

Электронная копия статьи сформирована из исходной верстки в формате *.doc
Границы страниц не соответствуют пагинации подлинника

А. Н. РАДИЩЕВ И «ГРАМОТА РОССИЙСКОМУ НАРОДУ»

М. М. Сафонов

15 сентября 1801 г. должна была состояться коронация Александра I. К этому торжеству был подготовлен проект «Всемиловнейшей грамоты Российскому народу жалуемой» – своеобразной декларации «прав и обязанностей человека и гражданина». Прототипом ее являлся наиболее умеренный вариант декларации прав, открывающий брюмерскую конституцию Франции 1795 г.¹ Торжество коронации состоялось, однако «Грамота Российскому народу» так и не была опубликована².

В 1923 г. В. П. Семенников выпустил книгу «Радищев. Очерки и исследования». Один из разделов книги был посвящен деятельности Радищева в дни Александра I³. Ученый попытался максимально расширить круг сочинений Радищева, написанных в этот период. К ним он отнес и «Грамоту Российскому народу», заключающую в себе «цельную политическую программу тогдашнего либерализма». Из протоколов Негласного комитета, в котором Александр I вместе со своими «молодыми друзьями» рассматривал проекты будущих реформ, В. П. Семенников установил, что составление этой декларации было связано с именем А. Р. Воронцова, крупнейшего сторонника аристократического либерализма. Вельможа представил в Негласный комитет проект этого государственного акта. Он рассматривался на заседаниях 15 и 23 июля 1801 г. Однако приписывать составление самого акта Воронцову, по мнению В. П. Семенникова, очень трудно. Проект требовал специального знания законов и некоторого лите-

¹ Duguít L., Monnier H. *Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789*. Paris, 1908. P. 78–80.

² Сафонов М. М. *Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв.* Л., 1988. С. 139–140, 167–168.

³ Семенников В. П. *Радищев: Очерки и исследования*. М.; Л., 1923. С. 112–195; 431–436.

ратурного навыка. Воронцов же писал по-французски лучше, чем по-русски, и едва ли был способен самостоятельно составить такую декларацию. Поскольку ближайшим к Воронцову лицом был Радищев, литературовед предположил участие в составлении этого документа автора «Путешествия из Петербурга в Москву». В пользу этой атрибуции свидетельствовало то, что в «Грамоте» были представлены законодательные вопросы, к которым Воронцов едва ли мог проявлять большой интерес. В то же время они «совершенно соответствуют» сфере интересов Радищева.

В. П. Семенников обратил внимание на то, что в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев дал проект грамоты, с которой либеральный монарх мог бы обратиться к народу. По мнению ученого, было бы вполне естественно, если бы Радищев в новых условиях постарался претворить в жизнь хотя бы часть задуманного.

О существовании проекта «Грамоты» было известно задолго до В. П. Семенникова.

Впервые проект «Грамоты» был обнаружен М. А. Корфом. Работая над биографией М. М. Сперанского, М. А. Корф нашел в Публичной библиотеке писарскую рукопись, состоящую из 26 статей. В рукописи имелась пометка К. Г. Репинского, служившего под началом Сперанского: «Сочинение Трощинского, бывшего министром юстиции; карандашные поправки статс-секретаря Сперанского». В своей книге М. А. Корф поместил отдельную главу, посвященную истории конституционных проектов, но цензура не пропустила ее. В этой неизданной главе биограф реформатора изложил содержание проекта «Грамоты».

Она заинтересовала М. А. Корфа потому, что на рукописи имелись карандашные поправки Сперанского. Поскольку Сперанский служил при Д.П. Трощинском, биограф высказал осторожное предположение, что именно он и был автором проекта. Сперанский лишь осуществил стилистическую правку произведения своего начальника.

Предшественники В. П. Семенникова по-разному высказывались на этот счет. Так А. Н. Пыпин обратил внимание на то, что в протоколах Негласного комитета имя А. Р. Воронцова упоминается 15 и 23 июля 1801 г. в связи с «Грамотой», и поэтому назвал графа ее составителем⁴. Н. К. Шильдер не мог точно определить автора Грамоты». По его мнению, Воронцов принимал участие в составлении проекта, который также прошел и через руки Сперанского. Но об участии в работе Трощинского Н. К. Шильдер не сказал ничего⁵. Напротив,

⁴ Пыпин А. Н. *Общественное движение в России при Александре I*. СПб., 1885. С. 89.

⁵ Шильдер Н. К. *Император Александр Первый: Его жизнь и царствование*. СПб., 1897. С. 75–79.

Н. М. Коркунов полагал, что проект был составлен Трощинским под влиянием Сперанского, но об участии Воронцова в этой работе исследователь ничего не знал⁶.

В. И. Семевский считал доказанным авторство Трощинского. При этом ученый полагал, что Воронцов предложил несколько пунктов, которые встретили возражение в Негласном комитете, после чего вельможе было предложено переделать их совместно с «молодыми друзьями»⁷. Мнение исследователей об авторстве Трощинского основывалось на том, что на рукописи проекта имелась пометка об этом К. Г. Репинского, служившего под началом Сперанского.

В. П. Семенников категорически отрицал авторство Трощинского. Литературовед исходил из того, что М. А. Корф, также служивший под началом Сперанского, не имел прямых доказательств авторства Трощинского и прибегал к косвенным. Репинский же сделал свою пометку, основываясь на соображениях, выдвинутых Корфом. В. П. Семенников придавал решительное значение тому, что из протоколов явствовало: пункты «Грамоты» в Негласный комитет внес Воронцов. Однако литературовед не исключал, что граф представил только пункты «Грамоты», а не весь текст, или даже часть этих пунктов, другая же их часть была представлена кем-то, например, Трощинским.

Из протоколов Негласного комитета явствовало, что некоторые из представленных Воронцовым пунктов были отвергнуты членами комитета и графу было рекомендовано совместно с «молодыми друзьями» выработать проект.

В. П. Семенников задался вопросом, какая же редакция «Грамоты» сохранилась, выработанная до обсуждения или переработанная после этого? Поскольку в известном тексте «Грамоты» отвергнутые воронцовские пункты, заимствованные из «*Nabeas cogrus*» присутствуют, ученый сделал вывод о том, что перед нами полный текст редакции, представленной Воронцовым царю до обсуждения в Негласном комитете. Текст этот состоял из 26 статей. Когда книга В. П. Семенникова была уже подготовлена к печати, в архиве Воронцова он обнаружил еще одну редакцию «Грамоты», насчитывающую 28 статей. Основное различие этих редакций заключалось в том, что в более пространный текст находились три статьи, отсутствовавшие в ранее известном. В. П. Семенников решил, что вначале была создана редакция из 28 статей, потом из нее удалили три первые статьи и добавили одну. Все это происходило до обсуждения «Грамоты» в Негласном комитете, в который был внесен текст, состоящий из 26 статей. После обсуждения проект заглох, никаких мер к переработке «Грамоты» царь в дальнейшем не принимал. Трощинский никакого участия в со-

⁶ *Вестник права*. 1899, № 8. С. 6–9.

⁷ *Русское богатство*. 1907, январь. С. 48–50; *Былое*. 1906, № 1. С. 31–32.

ставлении проекта не имел. Этим снимается вопрос и о роли Сперанского как автора «Грамоты», хотя составитель этого документа мог пользоваться его советами.

В пользу авторства Радищева В. П. Семенников привел следующие аргументы.

Сын писателя П. А. Радищев в своих воспоминаниях сообщил, что его отец составил «Проект гражданского уложения» и изложил по памяти основные положения этого документа. Однако это изложение свидетельствует о том, что составленный его отцом проект относился не столько к «гражданскому уложению», сколько к декларации «прав гражданина». Сравнение содержания описанного П. А. Радищевым по памяти с «Грамотой» показывает, «что большая часть пунктов упоминаемого П. А. Радищевым «проекта» может быть поставлена в связь с пунктами декларации». Более того, «мероприятия декларации по крестьянскому вопросу во многом соответствуют тому, что было намечено в плане крестьянского освобождения в «Путешествии» Радищева».

Второе важное обстоятельство, которому В. П. Семенников придал первостепенное значение, заключалось в том, что в «Грамоте» есть частные совпадения с отдельными мнениями и мыслями Радищева.

Вместе с тем от В. П. Семенникова не укрылось, что некоторые принципы «Грамоты» никак не могут быть согласованы с мнениями Радищева. Однако им литературовед не склонен был придавать сколько-нибудь серьезного значения.

По его словам, это, собственно, только пункты о подтверждении дворянской грамоты и вообще об особых правах дворянства. Хотя Радищев был категорическим противником особых дворянских прав, но ради улучшения положения крестьян он не мог не согласиться на временное расширение некоторых дворянских привилегий. Политическая обстановка была такова, что невозможно было не подтвердить дворянские привилегии. К тому же Радищев мог осуществить свои планы только в тесном контакте с Воронцовым, сторонником расширения дворянских привилегий. Это не могло не отразиться на их совместной работе.

Кроме того, литературовед отметил, что «Грамота» ставит ряд вопросов, о которых П. А. Радищев не упоминает вовсе. Вопросы же, им указанные, она разрабатывает с большей полнотой, нежели об этом сообщает сын писателя.

Наконец, стиль «Грамоты» перекликается со стилем Радищева. Хотя в распоряжении исследователей нет сочинений Радищева, которые были бы написаны таким же официальным слогом, однако в «Грамоте» есть церковно-славянские обороты, а это – «излюбленный элемент стиля Радищева».

В итоге В. П. Семенников пришел к следующим выводам.

«Грамота» была представлена Воронцовым, который сам, «несомненно», не мог выполнить этого труда. Этот документ по форме своей соответствует грамоте, с которой, как говорится в «Путешествии», будущий либеральный монарх обратится к народу. «Грамота» имеет ряд частных соответствий с мыслями и отдельными мнениями Радищева. Прежде всего, это касается статей, заимствованных из «Habeas corpus», екатерининского «Наказа», мнений о порядке судопроизводства. В мероприятиях по наиболее близкому Радищеву крестьянскому вопросу наблюдается «значительное соответствие» с планами Радищева, изложенными в «Путешествии». Наконец, и главная идея и основные принципы «Грамоты» соответствуют содержанию «Проекта гражданского уложения», который, по словам П. А. Радищева, был составлен его отцом.

Все эти соображения позволили В. П. Семенникову, «если не с документальной достоверностью, то с большой долей вероятности», признать Радищева автором «Грамоты». Однако это вовсе не означает, что «Грамота» выражает политическую программу ее составителя. Налицо был компромисс. «Демократизм Радищева и дворянский либерализм <...> Воронцова нашли здесь компромиссное соединение. Радищев был вынужден подтвердить дворянские привилегии и не имел возможности включить в «Грамоту» установление полной свободы крестьян, был вынужден признать допустимость некоторой условности в вопросе о гражданских свободах. Радищев шел на уступки не только потому, что был вынужден уступать Воронцову, но в силу более общих соображений, которые побудили включить в «Путешествие» лишь проект постепенного освобождения крестьян.

Построения В. П. Семенникова подверг серьезной критике И. М. Троцкий⁸. Он совершенно справедливо назвал произвольным утверждение В. П. Семенникова о том, что Воронцов не мог быть автором проекта «Грамоты», потому что такая работа была ему не под силу. Огромное количество сочинений, вышедших из-под пера Воронцова, свидетельствуют об обратном.

Неубедительным назвал И. М. Троцкий сопоставление «Проекта в будущем» из радищевского «Путешествия» и «Грамоты». Он отметил, что «Проект в будущем» касается в основном освобождения крестьян и никак не связан с проектом «Грамоты». Не более убедительным считал И. М. Троцкий и сопоставление «Грамоты» с «Проектом гражданского уложения», изложенным П. А. Радищевым. Сближение этих двух документов, по словам ученого, «притянута за волосы». Сын писателя говорит об освобождении крестьян, в «Грамоте» же речь идет лишь о «существенных улучшениях крестьянской жизни».

---

⁸ Троцкий И. М. Законодательные проекты Радищева // А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 42–56.

«Проект гражданского уложения» провозглашает свободу торговли, тогда как «Грамота» гарантирует покровительство правительства внешней и внутренней торговле, то есть трактует этот вопрос в противоположном смысле. У П. А. Радищева речь идет о свободе торговли вообще, но в «Грамоте» говорится о свободе торгового транзита. Натянутыми кажутся сопоставления пунктов, в которых речь идет об общих вопросах права: никаких прямых соответствий здесь нет.

Таким образом, из рассматриваемых В. П. Семенниковым девяти пунктов П. А. Радищева, два, по мнению И. М. Троицкого, не имели никакого отношения к «Грамоте», четыре – чрезвычайно отдаленное и только три (вопрос о свободе совести, свободе книгопечатания и введения *Nabeas corporis'* акта) нашли в ней действительное отражение.

Вместе с тем ряд совпадений положений «Грамоты» с сочинениями А. Н. Радищева И. М. Троицкий назвал убедительными. Это касалось почти текстуальных соответствий по частным вопросам. Поэтому И. М. Троицкий не отверг гипотезу В. П. Семенникова полностью. По его мнению, нельзя приписать «Грамоту» целиком Радищеву. Однако есть серьезные основания говорить о его участии в составлении этого документа. К такому выводу ученого подтолкнула новая архивная находка. В. П. Семенникову был известен текст «Грамоты» из 26 пунктов, находившийся в бумагах К. Г. Репинского в Публичной библиотеке. Как уже упоминалось, В. П. Семенников обнаружил в воронцовском собрании новый текст, состоящий из 28 пунктов. Эта редакция, признанная В. П. Семенниковым предварительной, решала вопрос об авторстве Воронцова, но не давала никакой возможности определить степень участия в составлении этого документа Радищева. И. М. Троицкий же обнаружил неизвестную В. П. Семенникову редакцию из 20 пунктов, в которых положения будущей «Грамоты» только перечислены, но не развернуты, то есть первоначальный набросок этого документа, изложенный в форме пунктов. Однако эта редакция уже была введена в научный оборот «Русским архивом» в 1908 г. Но ни В. П. Семенников, ни И. М. Троицкий об этом не знали.

И. М. Троицкий сопоставил эту первоначальную редакцию с более поздними и пришел к следующим выводам. Оказалось, что часть пунктов окончательной редакции в предварительной отсутствуют вовсе, другие значительно расширены, ряд положений существенно переработан. Согласно наблюдениям И. М. Троицкого, редакционные изменения оказались настолько значительными, что редактора «можно признать почти что соавтором». Соображения В. П. Семенникова заставили И. М. Троицкого обратиться прежде всего к Радищеву. Это предположение казалось тем более вероятным, что большинство пунктов, которые привели В. П. Семенникова к мысли об авторстве Радищева,

отсутствовали в первой редакции и, стало быть, принадлежали редактору. Наибольшие совпадения обнаружены в ст. 14–16 и 19. Из них ст. 14 и 19 появляются только во второй редакции.

Сравнивая содержание 26-статейной «Грамоты» с записью П. А. Радищева (ст. 7, 8, 14, 17, 18), И. М. Троицкий пришел к заключению, что они устанавливают буржуазные политические свободы, т.е. совпадают «со многими местами радищевских сочинений», но в предварительной редакции отсутствуют. Воронцову же принадлежит только пункт о Habeas corpus, но в этом нет ничего удивительного, так как это требование является общим местом для публицистов воронцовского типа. Таким образом, из 10 крупных вставок 5, по мнению ученого, оказываются связанными с Радищевым. Те же вставленные пункты, которые напрямую с Радищевым не ассоциируются, могли быть вставлены Воронцовым. Тем более, что большинство из них не противоречит мировоззрению автора «Путешествия».

Вставки, сделанные Радищевым, «значительно» радикализировали «Грамоту». То же следует сказать о мелких редакционных поправках. Особенно характерны новации в отношении поместного землевладения. «Помещик» воронцовского проекта в окончательной редакции заменен безликим «владельцем», под которым можно понимать и крестьянина. Наконец, если в первой редакции не подлежащими конфискации названы пахотные орудия и скот крестьянина, Радищев в окончательную редакцию включил еще и хозяйственные строения. Это дало возможность формулу Воронцова «сия собственность движимая, будучи единая только по нашим законам предоставленная крестьянину...» заменить формулой «сия собственность, основывая существенное состояние земледельца...». Эта замена позволила Радищеву в скрытой форме провести в «Грамоте» принцип «Проекта в будущем», разрешающий крестьянам иметь недвижимую собственность.

Общий вывод И. М. Троицкого был таков. Радищеву следует приписать не весь проект грамоты, а только большинство тех изменений, которые были внесены в первоначальную редакцию. Радищев не шел на компромисс с Воронцовым. Писатель использовал воронцовский проект для того, чтобы осуществить ту минимальную программу, которую считал возможным реализовать в данный момент, то есть установить равенство всех перед законом, личную безопасность, свободу слова и совести, законодательно зафиксировать буржуазные отношения собственности, которые обеспечили бы крестьянскую собственность. Со стороны Радищева это был тактический маневр. А вот Воронцов действительно был вынужден идти на компромисс с Радищевым. Поскольку молодой царь мог быть недоволен тем, что Воронцов недостаточно радикален, вельможа должен был продемонстрировать свою способность идти навстречу пожеланиям императора

и для этого «не было ничего более легкого, чем поручить редактирование опытному перу Радищева». Результатом этого компромисса и явилась «Грамота российскому народу».

Построения В. П. Семенникова и И. М. Троицкого уничтожающей критике подверг П. К. Бонташ⁹. Мысль о том, что Радищев мог участвовать в составлении «Грамоты», для П. К. Бонташа была неприемлема с идеологических позиций. Он обвинил В. П. Семенникова в том, что ученый использовал идею об авторстве Радищева в качестве «одного из «доказательств» в корне неверного утверждения о том, что Радищев в последний период своей деятельности отказался от революционных и демократических взглядов и настолько свернул свою прежнюю программу, что находил общий язык с аристократическими конституционалистами и дворянскими либералами, сам стал «заурядным либералом». По словам П. К. Бонташа, версия об авторстве Радищева искажала подлинный облик Радищева, который и в последний год жизни оставался непримиримым врагом самодержавия и крепостничества. Объявив Радищева одним из авторов цельной политической программы тогдашнего либерализма, В. П. Семенников превратил его в заурядного либерала.

По мнению киевского ученого, Александр I затеял подготовку «Грамоты» с провокационной целью. Он знал заранее, что такую декларацию, вышедшую из кругов его сановных советников, ему будет легко отклонить как недостаточно радикальную. Александр лишь хотел показать фрондирующим сановникам, что вопрос об ограничении самодержавия он связывает с ограничением дворянских привилегий, а поэтому им было бы выгоднее не поднимать этого вопроса. Привлечение Радищева к составлению «Грамоты» никак не могло входить в расчеты играющего в либерализм монарха, так как это лишило бы его возможности критиковать проект с «радикальных» позиций. Поэтому кажется невозможным предположение о том, что Александр предварительно согласовал с Воронцовым вопрос о привлечении писателя к составлению «Грамоты». Кроме того, имя Радищева не фигурирует ни в одном из документов в связи с этой декларацией. Нет ни одного свидетельства современников о причастности Радищева к делу составления «Грамоты».

П. К. Бонташ разошелся с предшественниками в вопросе о последовательности редакций «Грамоты» (ученый неверно называет их вариантами). Согласно его мнению, первая редакция представлена 20 пунктами Воронцова. Говорить о их принадлежности Радищеву не приходится. Вторая редакция воплощена в тексте, насчитывающем 26 статей. Наконец, третья редакция представлена 28

---

⁹ Бонташ П. К. *А. Н. Радищев и вопрос об авторстве грамоты российскому народу* // Киевский Государственный университет им. Т. Г. Шевченко: Юридический сборник. 1953, № 6. С. 110–140.

статьями. То, что 28-статейный текст является окончательной редакцией, доказывается запиской, поданной царю 12 августа 1801 г. А. Р. Воронцовым, Н. Н. Новосильцевым и В. П. Кочубеем. В записке, оставшейся неизвестной предшественникам П. К. Бонташа, речь идет о внесенных в текст проекта этой группой лиц изменениях. Это как раз те изменения, которые содержатся в первых трех статьях окончательной редакции. Таким образом, если В. П. Семенников полагал, что 28-статейный текст являлся первоначальной редакцией, из которой исключили три первых пункта еще до того, как она была представлена в Негласный комитет для обсуждения, П. К. Бонташ определил, что в действительности первой редакцией были те 20 пунктов, о существовании которых В. П. Семенников, создавший версию о составлении «Грамоты» Радищевым, не знал. Между тем «сословно-дворянская и крепостническая направленность» пунктов Воронцова настолько очевидна, что никакие натяжки не позволяют подозревать авторства Радищева. При этом надо иметь в виду, что основные положения воронцовских пунктов перешли во вторую и третью редакции. «Молодые друзья», рассматривавшие воронцовскую редакцию «Грамоты», предложили ряд изменений и дополнений. Их замечания лишь усиливали «сословно-дворянский характер воронцовских пунктов, еще более подчеркивали привилегированное положение дворянства и выдвигали требование дальнейшего расширения дворянских привилегий». В воронцовских пунктах земля признавалась исключительной собственностью помещиков. Признавая за крепостными крестьянами право собственности на их живой и мертвый инвентарь, воронцовская редакция сохраняла в полной неприкосновенности вотчинную власть помещика над личностью крепостного и право определять размеры крестьянских повинностей. В замечаниях «молодых друзей» высказывалось предложение предоставить государственным и помещичьим крестьянам право приобретать в собственность ненаселенные земли. Вместе с тем «молодые друзья» предложили расширить круг объектов крестьянской собственности. К пахотным орудиям и рабочему скоту добавлялись еще овин, рига и иные сельскохозяйственные строения. Но этим ограничивались все «уступки» крепостным крестьянам. Проект «Грамоты» носил характер «не только декларации неотъемлемых прав дворянина, в которой еще больше, чем в воронцовских пунктах, подчеркнуто привилегированное положение дворянства», но и характер ограничивающей власть монарха «феодалной хартии». Крестьянин по-прежнему оставался «в законе мертвым». Признание за крепостными права собственности на живой и мертвый инвентарь и сельскохозяйственные строения не приводило к сколько-нибудь существенному улучшению положения крепостного крестьянства. Все, что известно о взглядах Радищева, в корне противоречит предположению о том, что он был автором «Грамоты». Писатель являлся противником исключительных дворянских при-

вилегий. Не мог он согласиться и на временное их расширение для того, чтобы хоть как-то улучшить положение крестьян, ведь «Грамота» была призвана увековечить привилегированное положение дворянства и никаких существенных улучшений крестьянам не предоставляла. Все это противоречит «непримиримо враждебному» отношению Радищева к крепостному праву. Неправомерно сближать положения «Грамоты» с «Проектом в будущем» радищевского «Путешествия», ибо последний представлен не самим автором, а от лица его друга, «реформистски настроенного просветителя». К тому же и самое таковое сближение не правомерно, так как «Проект в будущем», осуждая крепостное право, требует его отмены, намечая ряд подготовительных мер. Противоречит взглядам Радищева решение вопроса о государственной власти, ибо революционер был республиканцем. Не выдерживает критики утверждение исследователей о том, что Радищев был автором статей, которые якобы провозглашали равенство перед законом всех подданных, включая крепостных крестьян. Такому утверждению противоречит содержание самой «Грамоты», которая сохраняла крепостное право и ничем не ограничивала власть помещиков.

П. К. Бонташ также выступил против отождествления статей, обеспечивающих правовые гарантии личности, со взглядами Радищева, ибо при сохранении крепостного права подавляющее большинство населения страны не получило бы таковых. При этом нельзя не учитывать, что автор «Путешествия» настаивал на действительном равенстве всех перед законом, но автор «Грамоты» вовсе не имел этого в виду. Кроме того, очевидно, что большинство положений, касающихся новых судебных порядков, призванных гарантировать права личности, заимствовано из екатерининского «Наказа», а вовсе не из сочинений первого русского революционера.

Анализ «Грамоты» привел П. К. Бонташа к следующему выводу. «Эта дворянская хартия, преследовавшая задачу укрепления и увековечения феодально-крепостнического строя, находится в резком противоречии с политическими воззрениями Радищева, с теми взглядами, которые он развивал во всех своих произведениях, включая и работы, написанные в последнем периоде его деятельности, т.е. в 1801–1802 гг.». Нет оснований считать Радищева автором тех вставок, которые были внесены во вторую редакцию воронцовского проекта, потому что эти изменения заимствованы из других источников.

П. К. Бонташ полагал, что неверным является утверждение, согласно которому Радищев работал над «Грамотой» в Комиссии составления законов. Проект был окончательно готов 12 августа 1801 г.; Радищев же был зачислен в Комиссию 6 августа и только 13 августа приступил к занятиям в ней, то есть тогда, когда работа над этим документом была уже закончена. Редактирование «Грамоты» осуществлялось вовсе не в Комиссии, а в канцелярии Непременного со-

вета, к которой писатель не имел никакого отношения. Не мог Радищев ездить в Москву на коронацию для работы над «Грамотой», т.к. царь отклонил публикацию еще до поездки в первопрестольную. И вопрос об этом во время коронации больше не поднимался. Нет в «Грамоте» никаких языковых и стиливых особенностей, которые позволили бы связать этот документ с именем Радищева, т.к. он не писал «каким-то особенным, только ему свойственным языком».

Соавторами Воронцова были Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей, которые подписали записку к окончательной редакции. Из пометок Сперанского можно заключить, что вторая редакция «Грамоты» прошла через канцелярию Непременного совета. Возможно, неофициальное отношение к «Грамоте» имел Д. П. Трошинский, возглавлявший канцелярию этого учреждения.

«Грамота» выражала программные установки Воронцова и «молодых друзей». Однако Александр I с «провокационными целями» противодействовал им с позиций «ученика 1789 года». Соавторам пришлось переделать проект с учетом замечаний царя, т.е. внести ряд положений, заимствованных из буржуазного законодательства. При этом они попытались внести в «Грамоту» и ряд установок из арсенала аристократического конституционализма олигархического толка. Оба эти направления в корне противоречили взглядам Радищева. Царь не опубликовал «Грамоту» потому, что не видел в ней никакой необходимости. Рядовое дворянство, составляющее опору самодержавию, не видело нужды в олигархическом ограничении власти царя. Александру следовало только немного подождать, чтобы улеглись опасения, вызванные деспотизмом его отца. Не хотел он и дискредитировать свою либеральную репутацию, что неизбежно бы случилось в случае публикации такого «феодалного документа». Царь не желал «слишком явно разоблачать свое действительное лицо».

«Грамота» не является антифеодалным, прогрессивным, радикальным документом, проникнутым передовыми, демократическими идеями Радищева. Поэтому точка зрения, связывающая «Грамоту» с именем Радищева, исходя из ошибочного представления об антифеодалной направленности этой декларации, неверна.

Совсем с иных позиций подошел к исследованию «Грамоты» А. Н. Китушин¹⁰. Не будучи знаком с построениями П. К. Бонташа, он поставил перед собой задачу «дать на основе дополнительных изысканий необходимую аргументацию, чтобы помочь окончательному утверждению авторства в разработке проекта «Грамоты» за А. Н. Радищевым». Исследователь полагал, что справедливая мысль В. П. Семенникова об авторстве Радищева «не нашла в его

¹⁰ Китушин А. Н. Об авторстве А. Н. Радищева в разработке проекта «Всемиростивейшей грамоты Российскому народу жалуемой» // Ученые записки Азербайджанского государственного университета. 1956, № 7. С. 109–118.

исследовании должной научной аргументации благодаря неправильной методике исследования и недостатку привлеченных материалов». По мнению А. Н. Китушина, главная ошибка В. П. Семенникова состояла в том, что он «неверно избрал основным критерием своего исследования записи содержания радищевского «Проекта гражданского уложения» П. А. Радищева, рассматривая их в качестве материала, определяющего также и содержание «Грамоты». Однако, они представляют собой некий *compendium* основных идей А. Н. Радищева из различных его сочинений, далеко не полный и не во всем точный». Кроме того, исследователь не привлек для текстуальных сопоставлений целый ряд произведений писателя: «Проект гражданского уложения», «Проект для разделения уложения российского».

Вместе с тем А. Н. Китушин подверг критике представления В. П. Семенникова о числе редакций «Грамоты» и их последовательности. В. П. Семенников, как помним, полагал, что Воронцов представил на обсуждение Негласного комитета 15 июля 1801 г. окончательный проект. А. Н. Китушин же обратил внимание на одно важное обстоятельство, ускользнувшее от его предшественников. 15 июля из проекта Воронцова были рассмотрены статьи о предоставлении крестьянам права приобретать общинные земли, а также предложение уничтожить шлагбаумы. Но ни в одной из сохранившихся редакций «Грамоты» нет специальных пунктов об общинных землях и об уничтожении шлагбаумов. Из этого следует, что Воронцов представил в Негласный комитет более умеренную, не дошедшую или еще не открытую редакцию проекта. Поэтому А. Н. Китушин высказал предположение о том, что проект «Грамоты» составлялся позже, именно в тот период, когда Радищев начал работать в Комиссии составления законов, то есть не ранее 6 августа 1801 г. По словам А. Н. Китушина, Радищев «страстно стремился использовать неожиданно открывшуюся для него возможность принять участие в составлении законопроектов на легальной почве, чтобы сделать попытку закрепить – пусть в подцензурном виде, в завуалированной форме, а может быть, и реализовать хотя бы в ограниченном размере – часть своих прогрессивных идей и замыслов». Он оставался идеалистом в понимании общественных явлений и не смог еще преодолеть просветительских иллюзий относительно «просвещенного монарха».

Согласно А. Н. Китушину, последовательность известных редакций «Грамоты» была такова. Первоначальная редакция состояла из 20 статей. Промежуточная насчитывала 28. Окончательная же заключала в себе 26 статей. Ученый отказался от рассмотрения первой и второй редакций, так как к ним Радищев, по его мнению, не имел никакого отношения, и сосредоточил свое внимание на анализе окончательной редакции с тем, чтобы установить авторство Радищева и определить степень участия Воронцова.

А. Н. Китушин усмотрел прямые текстологические параллели статей 5, 6, 8, 12, 14, 15, 16, 18, 19, 23 с такими произведениями Радищева, как «Проект гражданского уложения», «Письмо о китайском торге», «Путешествие из Петербурга в Москву», «Проект разделения уложения российского», «Особое мнение», «О законоположении», «Житие Федора Васильевича Ушакова»

Более отдаленное, но не менее тесное идейное совпадение с радищевскими текстами А. Н. Китушин обнаружил в статьях 1, 7, 9, 13, 17, 20, 21, 22, 24, 25 «Грамоты». Хотя в статьях 10 и 11, подтверждающих права купцов и мещан, ученый не нашел прямого соответствия, но он утверждал, что они не противоречат взглядам Радищева. Эти статьи служат как бы эквивалентом за введение статей о правах дворянства. Хотя статьи 2–4 не совпадают с взглядами Радищева, но это объясняется тем, что они идут от Воронцова. «Включение пунктов о правах и преимуществах дворянства, – утверждал А. Н. Китушин, – явилось уступкой дворянскому либерализму Воронцова. Это тактический маневр Радищева, рассчитанный на возможность проведения его прогрессивных идей с помощью близкого к трону Воронцова. Кроме того, Александр I восстановил дворянскую грамоту, и она должна была найти отражение в коронационной декларации».

Итак, по подсчетам А. Н. Китушина, из 26 статей 10 имели безусловное текстуальное сходство с различными сочинениями Радищева, 10 – вполне согласовывались, хотя и без прямых текстуальных параллелей с ними и только 5 (а окончательно лишь 3) прямо противоречили убеждениям Радищева.

Прогрессивные идеи «Грамоты» оказались «чуждыми псевдолиберализму Александра I», и поэтому подготовленный проект был заменен бессодержательным коронационным манифестом. Выработанный Радищевым проект был далек и от концепции дворянского либерализма Воронцова.

Носителем прогрессивных идей «Грамоты», воплощенных в проекте, мог быть только такой передовой мыслитель эпохи, как Радищев. Но по тактическим соображениям он должен был «маскировать свои революционные убеждения, чтобы использовать представившуюся ему легальную возможность для осуществления хотя бы некоторой части своих прогрессивных идей и планов в рамках «просвещенного абсолютизма».

А. Н. Китушин утверждал, что приведенная им аргументация дает «вполне достаточные основания» считать автором проекта А. Н. Радищева. «От прежних догадок и предположений...пора перейти к окончательному утверждению за Радищевым полного авторства в разработке этого проекта...являющегося важным свидетельством его прогрессивной творческой деятельности на последнем этапе жизненного пути».

Независимо от А. Н. Китушина и почти одновременно с ним к мысли о существовании неизвестной редакции «Грамоты» пришел и А. В. Предтеченский¹¹. К наблюдениям А. Н. Китушина он добавил еще одно: при обсуждении «Грамоты» в Негласном комитете 23 июля 1801 г. речь шла о статье Воронцова относительно «свободы передвижения для всех внутри государства», но такой статьи в известных редакциях «Грамоты» не существует. Кроме того, ученый заметил, что после обсуждения статей, заимствованных из «Habeas corpus act'a», в протоколе записано: статьи на этом заканчивались. Однако в проекте Воронцова статьи, относящиеся к «Habeas corpus act'u», вовсе не заканчивают его. Следовательно, «молодые друзья» обсуждали какую-то иную редакцию. Первая редакция из 20 статей была написана в июне 1801 г. Что же касается времени написания двух последних редакций и их последовательности, то ученый считал этот вопрос пока неразрешимым.

Несмотря на это, А. В. Предтеченский категорически выступил против мысли о каком-либо участии Радищева в составлении «Грамоты». Мнение В. П. Семенникова, повторенное впоследствии некоторыми советскими исследователями, утверждал ученый, «должно быть решительно отброшено». Он полностью солидаризировался с аргументами П. К. Бонташа. «Говорить, что в составлении такого рода документа мог участвовать Радищев, – писал А. В. Предтеченский, – значит либо допустить какую-то невероятную перемену во всем мировоззрении великого революционера, либо вовсе не понимать его. Невозможность первого доказывается хотя бы мнениями и проектами Радищева в Комиссии составления законов. В. П. Семенников и те, кто разделял его точку зрения, не поняли Радищева, исказили черты выдающегося мыслителя и революционного борца, придав ему тот либеральный облик, в создании которого они пошли по стопам либеральных историков».

С критикой построений предшественников выступил Д. С. Бабкин¹². По его мнению, печатные материалы пока не позволяют бесспорно решить вопрос об авторстве Радищева. Среди них нет ни одного документа, в котором раскрывалось бы отношение Радищева к «Грамоте». Вместе с тем нет и документов, которые выражали бы мнение о Радищеве «молодых друзей», работавших над проектом. Поэтому доводы спорящих сторон строятся на соображениях косвенного порядка и нуждаются в подкреплении дополнительными данными.

¹¹ Предтеченский А. В. *Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века*. М.; Л., 1957. С. 192–199.

¹² Бабкин Д. С. 1) Был ли Радищев составителем «Грамоты Российскому народу»? // *Русская литература*. 1963, № 4. С. 132–142; 2) *Радищев: литературно-общественная деятельность*. М.; Л., 1966. С. 225–238.

Д. С. Бабкин ввел в научный оборот, как он полагал, «неизданный отзыв Радищева, который отражает его негативное отношение к «Грамоте», а также отзыв П. А. Строганова, свидетельствующий о «неодобрительном отношении» «молодых друзей» Александра I к взглядам писателя-революционера. Однако, в действительности за отзыв Радищева о «Грамоте» Д. С. Бабкин выдал документ, который ни к Радищеву, ни к «Грамоте» не имеет никакого отношения и трактуется совсем другой вопрос, в проекте не затронутый вовсе: о необходимости ограничить срок рассмотрения судебных дел. Что же касается отзыва «молодых друзей» о Радищеве, Бабкин без серьезных оснований утверждал, что они «относились к Радищеву с большим подозрением и ни в какой мере не разделяли его намерений». Этот категорический вывод был сделан Д. С. Бабкиным на основании письма П. А. Строганова к В. Н. Каразину от 6 февраля 1803 г. В этом письме «молодой друг» царя благодарит своего корреспондента за то, что тот представил ему какой-то отрывок сочинений Радищева. Отрывок этот не был одобрен П. А. Строгановым. По его словам, Радищев «не взял в этом деле истинный путь». Но какое отношение это имеет к «Грамоте»? Из того, что Строганов не одобрил какого-то отрывка неизвестного сочинения Радищева, никак нельзя делать вывод о том, что Радищев не мог быть привлечен к участию в составлении документа, «идеологически чуждого, противоположного его взглядам». Однако Д. С. Бабкин на этом основании пришел к следующему заключению: «Радищев не мог быть редактором «Грамоты» по той же причине идеологического расхождения во взглядах, по которой он не принимал участия в составлении этого документа».

По мнению Д. С. Бабкина, у каждого из соавторов, то есть А. Р. Воронцова и «молодых друзей», имелись личные соображения. Замечания Н. Н. Новосильцева, обсужденные в Негласном комитете 15 и 23 июля, выражали его личное мнение. У Воронцова тоже было личное мнение. Он хотел включить в «Грамоту» статью об облегчении налогового бремени крестьянства. Однако его предложения были отклонены царем. На самом же деле Д. С. Бабкин спутал предложения Воронцова относительно коронационного манифеста о милостях к народу, которые в действительности были приняты Александром I, с содержанием проекта «Грамоты», не предполагавшей ничего подобного. Из этого абсурдного наблюдения Д. С. Бабкин, вопреки всем очевидным свидетельствам, сделал вывод о том, что Воронцов не принимал никакого участия в дальнейшей работе над «Грамотой». Поскольку же он был отстранен от этой работы, то само собой разумеется, не мог и рекомендовать недовольному им монарху в качестве редактора «Грамоты» и своего друга Радищева. Общий вывод Д. С. Бабкина, построенный на неверных посылках, гласил: «Радищев не принимал участия в составлении и редактировании этого документа».

Н. М. Минаева полагала, что вопрос о соотношении взглядов дворянского революционера Радищева и оппозиционно настроенного вельможи Воронцова может быть прояснен анализом «Грамоты»¹³. Исследовательница не согласилась с мнением Д. С. Бабкина, отрицавшего какое-либо участие Радищева в составлении этого документа. Она нашла его аргументацию неубедительной. По мнению Н. В. Минаевой, этика того времени вполне допускала, что за именем высокопоставленного вельможи скрывался скромный секретарь. Поэтому имя Радищева, «даже если он принимал самое непосредственное участие в составлении «Грамоты», не могло быть упомянуто ни при каких обстоятельствах». Радищев стоял на слишком низкой ступени иерархической лестницы, по сравнению с создателями «Грамоты» Воронцовым и «молодыми друзьями». Тем не менее, подчеркивая «спорность вопроса об авторстве «Грамоты», Н. В. Минаева признала правомерность предположений В. П. Семенникова об участии Радищева в составлении тех статей «Грамоты», в которых речь шла о крестьянской собственности. Исследовательница полагала, что не позднее 15 июля 1801 г. Воронцов создал редакцию в 20 статей. Затем была написана «промежуточная» редакция в 26 статей. Не позднее 12 августа 1801 г. Воронцов заверил окончательную редакцию, состоявшую из 28 статей. (Вопрос же о существовании неизвестной редакции, о которой писали А. Н. Китушин и А. В. Предтеченский, исследовательницей не рассматривался). Как отмечалось, в первой редакции «Грамоты» говорится о том, что крестьянин может быть владельцем лишь движимой собственности. Во второй же редакции это важное определение снято, а понятие движимой собственности расширено. В. П. Семенников расценивал статью о крестьянской собственности как свидетельство причастности Радищева к авторству «Грамоты». Н. В. Минаева вслед за ним считала возможным «допустить разработку А. Н. Радищевым статей «Грамоты» о крестьянской собственности». «Разумеется, феодально-крепостническая позиция его покровителя А. Р. Воронцова, – писала исследовательница, – ...не позволила дворянскому революционеру выразить полностью свою точку зрения. Но наличие соответствующих статей «Грамоты» не может быть объяснено без учета влияния взглядов А. Н. Радищева».

Двадцатишестистатьейная редакция была передана в Непременный совет и там осела. Никаких следов рассмотрения «Грамоты» после доработки ее в Негласном комитете не обнаружено. Александр I так и не удостоил внимания до-

¹³ Минаева Н. В. *Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в.* Саратов, 1982. С. 41–52. Об участии Радищева в работе над «Грамотой» писала и Т. В. Андреева (Андреева Т. В. Александр I и М. М. Сперанский: еще раз о «Плане всеобщего государственного образования 1809 года» // *Английская набережная*, 4. СПб., 2001. С. 46.

кумент, вобравший авторские усилия Воронцова, редактуру Радищева, Сперанского и «молодых друзей».

«Грамота» являлась «той идеологической платформой, на которой пытались объединиться ведущие политические течения самого начала века: дворянско-олигархическое, просветительское и дворянско-революционное. Противостоящим лагерем оказался феодально-крепостнический, возглавляемый самим императором, непримиримым и деспотичным, при кажущемся либерализме».

В 1979 г. нам посчастливилось обнаружить очень важный факт: 9 сентября 1801 г. «Грамота» обсуждалась в высшем законосовещательном органе страны - Государственном совете¹⁴. Дело в том, что в публикации «Архива Государственного совета» журналы расчленены по тематическому признаку в соответствии с рубриками Свода законов. При этом составители не всегда руководствовались сутью рассматриваемого вопроса, а нередко – теми замечаниями, которые высказывались при обсуждении. Из журнала явствует, что члены Совета в целом одобрили «Грамоту», но предложили царю внести в нее статью о разрешении продавать или закладывать имение последнего в роде. Благодаря этому составители публикации поместили журнал заседания, одобренного конституционный проект, в рубрику «Наследство по закону». Естественно, никто из историков конституционного движения, равно как и исследователи творчества Радищева, не заглянул в эту рубрику. И журнал обсуждения «Грамоты», уже сто лет как опубликованный, оставался неизвестным ученым, как и сам факт обсуждения этого проекта в Государственном совете¹⁵.

Между тем именно этот журнал обсуждения «Грамоты» позволяет окончательно решить вопрос о последовательности ее редакций, проследить все этапы работы над этим документом, точно определить лиц, участвовавших в составлении проекта на каждом из них.

Итак, 9 сентября 1801 г. в Государственный совет была внесена рукопись 25-статейной редакции, после обсуждения в нее была добавлена еще одна статья, в результате окончательный проект стал состоять из 26 статей¹⁶. Это была

¹⁴ Архив Государственного совета. Т. III. Ч. I. СПб., 1878. Стб. 315–316.

¹⁵ Сафонов М. М., Филиппова Э. Н. Журналы Непременного совета // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. XI. С. 148–149.

¹⁶ В рукопись, обсуждающуюся в Совете, глава его канцелярии Троицкий сделал 2 вставки на отдельных листках. Согласно решению советников в ст. 5 он ввел фразу о том, что постановление о незыблости законов о наследстве не имеет обратной силы, а вместо ст. 25 поместил новую статью о выморочных имениях последнего в роде. Прежний номер ст. 25 был переправлен Сперанским на 26-й. Он стилистически обработал рукопись и поместил в ее конце надпись: «Дана в престольном нашем граде Москве сентября дня 1801 г.» (ОР РНБ).

именно та рукопись, которую ввел в научный оборот В. П. Семенников. Теперь же окончательно разрешился вопрос и об участии в выработке проекта Д. П. Трощинского, главы канцелярии Государственного совета, а также служившего под его начальством М. М. Сперанского: они редактировали лишь окончательный его вариант.

Как мы видели, в литературе высказывались различные мнения о числе редакций «Грамоты» и их последовательности. В. П. Семенников ввел в оборот 26- и 28-статейные тексты проекта, но он не знал о существовании 20 воронцовских пунктов¹⁷. Поэтому В. П. Семенников полагал, что вначале была создана редакция в 28 статей, затем в 25+1, после чего рукопись 26-статейной редакции была внесена на обсуждение Негласного комитета 15 и 23 июля 1801 г.¹⁸ И. М. Троицкий, обнаруживший и опубликовавший русский текст 20 воронцовских пунктов¹⁹, считал, что процесс создания «Грамоты», еще до того как она была внесена в Негласный комитет, протекал так: 20–28–25+1²⁰. П. К. Бонташ, впервые воспользовавшийся публикацией «Русского архива», пришел к заключению, что в Негласном комитете обсуждался текст 20 пунктов Воронцова, после чего была создана вначале промежуточная редакция в 26 статей, а затем – заключительная в 28 статей, ее сопровождала записка от 12 августа 1801 г.²¹ Эту же схему редакции (20–25+1–28) поддержали Д. С. Бабкин и Н. В. Минаева. А. Н. Китушин повторил схему И. М. Троицкого (20–28–25+1), но, в отличие от него, полагал, что ни одна из этих редакций не обсуждалась в Негласном комитете. А. В. Предтеченский считал, что первой редакцией является проект из 20 пунктов, созданный в июне 1801 г. Что же касается времени написания двух последних редакций, так же как и их последовательности, то ученый считал этот вопрос неразрешимым, так как, по его мнению, текст ни самой редакции, ни записки от 12 августа не дает достаточных оснований для этого. Кроме того, историк находил, что протоколы Негласного комитета от 15 и 23 июля не позволяют установить, какой именно текст из трех редакций обсуждался на заседаниях.

Журнал заседания Государственного совета от 9 сентября 1801 г. не остав-

---

Ф. 637, оп. 1, № 922. Л. 1–18). В таком виде, но без стилистической правки и приписки Сперанского рукопись была опубликована (Семенников В. П. Указ. соч. С. 180–194).

¹⁷ Русский архив. 1908, № 6. Прилож. С. 4–18; РГИА. Ф. 1409, оп. 1, № 149. Л. 1–27.

¹⁸ Семенников В. П. Указ. соч. С. 433–434, 158–159.

¹⁹ Архив С.-Петербургского института истории РАН. Ф. 36, оп. 1, № 400. Л. 210–215 об.).

²⁰ Троицкий И. М. Указ. соч. С. 44–45.

²¹ Бонташ П. К. Указ. соч. С. 121–122, 138.

ляет никаких сомнений в том, что последовательность ныне открытых редакций «Грамоты» была такова: 20–28–25–26.

Что же касается неизвестной редакции, о существовании которой писали А. Н. Китушин и А. В. Предтеченский, то это мнение является следствием простого недоразумения. Из протоколов Негласного комитета 15 и 23 июля 1801 г. явствует, что на этих заседаниях рассматривалась рукопись, разбитая на пункты (*les articles*)²². Оба ученых ошибочно полагали, что речь идет о пунктах проекта Воронцова. Но в действительности в Негласном комитете читалась рукопись замечаний на этот проект, которая также была разбита на пункты. При таком же понимании выражения «*les articles*» все становится на свои места и никаких оснований для предположения о существовании неизвестной редакции «Грамоты» не остается.

Мысль об издании хартии, в которой были бы перечислены коренные законы страны, обязательные для монарха, возникла в правящих верхах России задолго до Радищева. Впервые с этой идеей выступил елизаветинский фаворит И. И. Шувалов. Воспитатель наследника Павла Петровича Н. И. Панин завещал ее своему воспитаннику, и цесаревич не был чужд ей. По-видимому, руководители дворцового переворота 11 марта 1801 г. также являлись сторонниками этой идеи. «Грамота Российскому народу» явилась своеобразным итогом идейных исканий XVIII в., которые начались задолго до выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева²³.

Еще будучи наследником, Александр I усвоил концепцию «истинной монархии» из лекций своего воспитателя Ф.-Ц. Лагарпа. Воцарившись, он попытался воплотить эту теорию в жизнь. 9 мая 1801 г. Александр заявил одному из своих «молодых друзей» П. А. Строганову, что видит главную задачу в том, чтобы «изучить все появившиеся конституции» и «составить из них нашу». Эта работа была возложена на А. Р. Воронцова, имевшего репутацию либерала. Однако сановник высказался против ослабления сильной монархической власти. 19 мая 1801 г. в записке «О причинах унижения Сената» вельможа высказал мысль о том, что необходимо лишь положить «преграду суровости, происходящей от злоупотребления власти». А для этого достаточно будет заимствовать из «Великой хартии вольностей» и «*Nabeas corpus act'a*» те положения, которые ограждают личную безопасность и сделать их коренными законами²⁴. Эти идеи

---

²² Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов. (1774–1817). СПб., 1903. Т. II. С. 71, 73–75.

²³ См. подробно: Сафонов М. М. Указ. соч. С. 128, 169–170.

²⁴ Сборник Археологического института. СПб., 1878. Кн. 1, отд. II. С. 154–155; Сафонов М. М. Указ. соч. С. 115.

Воронцов воплотил в наброске «Грамоты», состоявшем из 20 пунктов. Не позднее 10 июля сановник передал свой проект царю.

Пункты Воронцова представляли собой некий русский вариант «*Magna Charta*», дополненный положениями «*Habeas corpus act'a*», т. е. своеобразную феодальную хартию, составленную почти исключительно в интересах господствующего сословия, главным образом его высшего слоя. Отнюдь не случайно, что на первое место были поставлены статьи, подтверждающие дворянские привилегии. Причем некоторым из них придавалось столь большое значение, что, хотя они и содержались в Жалованной грамоте дворянства, тут же подтвержденной, их провозглашали вторично в отдельных статьях. Именно в отступлениях от этих положений, столь дорогих для дворянского сердца, автор проекта усматривал деспотический характер самодержавия, его отличие от «истинной монархии». Часть этих статей имела существенное значение прежде всего для высшего дворянства.

Нельзя сказать, что в проекте не были отражены интересы других сословий. Ряд статей, касающихся нового порядка судопроизводства, носил общесловесный характер, другие имели значение лишь для купцов и мещан. Но показательно, что Воронцов даже не счел нужным подтвердить Жалованную грамоту городам и Городовое положение.

Воронцов не склонен был придавать сколько-нибудь серьезного значения наиболее острому крестьянскому вопросу. И поэтому он посвятил положению крестьян всего лишь один пункт. Конечно, запрещение конфискаций земельного инвентаря у крестьян улучшило бы их положение. Однако этого было слишком мало для того, чтобы сгладить остроту противоречий в деревне. Хотя в проекте декларировалась защита движимой собственности крестьянина от покушений помещиков, крепостное право с безграничным помещичьим произволом оставалось незыблемым. А в этих условиях провозглашение неприкосновенности крестьянской собственности приобретало лишь декларативный характер. Но не это было для Воронцова главным. основополагающая идея его проекта состояла в том, что самодержавная власть, оставаясь неограниченной, должна была дать обещание не нарушать законности и сама же обязывалась следить за тем, чтобы это обещание не было нарушено, ибо никаких гарантий не предусматривалось. В этом отношении воронцовский проект значительно уступал Великой хартии вольностей – она, как известно, устанавливала определенный порядок, которому должно было следовать в том случае, если бы король нарушил провозглашенные в ней статьи. Воронцов предлагал удалить из самодержавной власти наиболее деспотические черты, которые, как ему казалось, не позволяли дворянству в полной мере пользоваться своими привилегиями и осуществлять свое господство. Однако того, что этому господству угрожает огром-

ная опасность, пока остается нерешенным крестьянский вопрос, Воронцов замечать не желал. Укрылось от Воронцова и самое главное – система исключительных дворянских привилегий, которую он старался упрочить на будущее, уже сдерживала дальнейшее развитие страны. Поэтому его проект, несмотря на целый ряд важных положений, предназначенных смягчить деспотический режим, не мог способствовать решению основных социально-экономических и политических проблем, стоявших перед Россией.

15 июля 1801 г. Н. Н. Новосильцев от имени «молодых друзей» прочитал в Негласном комитете свои замечания на проект Воронцова²⁵. Члены комитета критиковали проект за то, что он оказался недостаточно дворянским. Воронцов предполагал подтвердить Жалованную грамоту в том виде, в каком она была опубликована Екатериной II, а «молодые друзья» считали необходимым расширить права родового дворянства: сравнять их с теми привилегиями членов первенствующего сословия, которых они достигли службой и благодаря которым пользовались предоставленной только им возможностью участвовать в местном самоуправлении.

Александр I категорически возражал против такого нововведения. Он держался того мнения, что необходимо установить различие между теми, кто служит государству, и теми, кто ведет праздную жизнь. Царь утверждал, что было бы совершенно несправедливо, чтобы первые не пользовались никакими преимуществами перед вторыми. Поэтому он не видит необходимости предоставлять право участия в местном самоуправлении целому сословию, в его принципах жаловать это преимущество за службу, а не просто привилегированной части общества.

«Молодые друзья» возразили царю, что помимо общих дворянских прав служащие дворяне обладают преимуществами, приобретаемыми чинами, их не имеют те, кто не служит. Именно это и устанавливает различие, которого так желает царь. Иными словами, исключительные дворянские привилегии и прежде всего свобода дворянства от обязательной службы нашли в лице «молодых друзей» своих ярых защитников.

Доводы подействовали на царя, и у Строганова сложилось впечатление, что они сумели убедить его. Члены Комитета заметили, что Александр остался очень недоволен А. Р. Воронцовым²⁶.

На следующем заседании 23 июля 1801 г. Новосильцев прочитал «Замечания» на остальные пункты проекта Воронцова. Одобрив проект, Новосильцев, тем не менее, находил нужным внести в него некоторые изменения. Новосиль-

²⁵ *Русский архив*. 1908, № 6. Прилож. С. 13–18; *ОР РНБ*. Ф. 526, оп. 1, № 4. Л. 39–51.

²⁶ *Вел. кн. Николай Михайлович*. Указ. соч. С. 73–75.

цев находил недостаточным пункт 9-й, запрещающий конфисковывать у крестьянина его земельный инвентарь и рабочий скот. Он заявил, что крестьянин всегда предпочтет лишиться этих предметов, нежели попасть в тюрьму, и от того этот пункт в глазах крестьянина не будет иметь никакой цены. Новосильцев считал гораздо полезнее сделать нечто более реальное: например, пожаловать казенным и помещичьим крестьянам право приобретать ненаселенные земли и разрешить им оформлять владельческие акты на собственное имя, чтобы не прибегать к помощи подставных лиц, как это приходилось делать до сих пор. Он предлагал гарантировать эту собственность и сделать из крестьян собственников. Александр согласился со всем, что высказал Новосильцев относительно запрещения конфискаций движимого имущества крестьян. Одобрил он и идею разрешить крестьянам покупать ненаселенные земли. Однако царь сомневался в том, что такая мера может принести ожидаемый результат, ибо помещик, пока его власть остается прежней, всегда найдет способ лишить крепостного его собственности. С этим согласились и «молодые друзья», но они считали, что это нововведение послужит только первым шагом. Царь, казалось, согласился с этим. Но его согласие, как выяснилось впоследствии, ни к чему не обязывало.

Таким образом, «молодые друзья», с одной стороны, были готовы расширить дворянские привилегии, когда речь шла о свободе от обязательной службы, с другой, – предлагали подорвать одну из самых существенных монополий дворянства – отступить от его исключительного права владения земельной собственностью. Царь же признавал такое предположение в принципе верным, однако, считал необходимым идти по другому пути: не расширять права крепостных, оставляя в неприкосновенности права помещиков, а двигаться в направлении постепенной ликвидации крепостного права.

Новосильцев высоко оценил статьи, заимствованные из «*Habeas corpus act'a*», однако при этом заявил, что следует прежде поразмыслить, не придется ли потом отменять эти дарованные права, и что в таком случае было бы лучше не давать их вовсе. Царь заметил, что такое же замечание он уже сделал Воронцову. Однако ни сам Александр, ни его «молодые друзья» вовсе не предлагали удалить эти статьи из проекта.

После чтений «Замечаний» Новосильцева оживленные споры вызвал вопрос о свободе передвижения внутри государства, равно как и выезда за границу дворянам, мещанам и купцам. «Молодые друзья» одобрили это положение, но заметили, что провозглашенные здесь принципы находятся в некотором противоречии с существующими ныне шлагбаумами и различными формальностями, которые необходимо соблюсти, чтобы выехать за границу. Но царь отстаивал существующий порядок.

На этом обсуждение закончилось. «Молодые друзья» не хотели открывать

Воронцову того, что они обсуждали с царем его проект. Поэтому они попросили Александра высказать Воронцову их замечания так, как будто они исходили прямо от него, и предложить ему совместно с Н. Н. Новосильцевым и В. П. Кочубеем на основании воронцовских пунктов и замечаний на них подготовить проект «Грамоты»²⁷.

12 августа 1801 г. А. Р. Воронцов, В. П. Кочубей и Н. Н. Новосильцев представили полный текст проекта. «Грамота» открывалась введением, написанным в духе «истинной монархии». Здесь провозглашалось обещание Александра никогда не нарушать узакониваемых ныне коренных постановлений. Их оказалось 28. Они довольно существенно отличались от тех 20 предварительных пунктов, которые были составлены Воронцовым, равно как и дополнений, предложенных «молодыми друзьями» 15 и 23 июля. Первые 4 статьи проекта «Грамоты» были совершенно новыми. В ст. 1 провозглашалась необходимость монархической формы правления в России ввиду обширности страны и различия населяющих ее народов. Правда, монархия здесь не была названа самодержавной, а говорилось лишь об «управлении государя со властью, сану его свойственной». Будет ли эта монархия абсолютной или конституционной – это оставалось нераскрытым. Ст. 2 провозглашала наследственность российского престола и подтверждала акт о престолонаследии 5 апреля 1797 г. Ст. 3 касалась устройства «верховного правительства» России – Правительствующего сената. Ст. 4 выражала намерение Александра обеспечить каждое состояние «достаточными и ясными законами», чтобы «безопасность личная и собственность каждого ограждены были». В основу остальных 24 статей проекта легли 20 пунктов Воронцова, довольно сильно переработанных. «Молодые друзья» сумели одержать победу в вопросе о том пункте, который они считали для себя самым существенным, – привилегии дворянства были расширены. Но этим влияние «молодых друзей» исчерпывалось. Прочие их рекомендации не были приняты во внимание. Проект полного текста подтверждал не только привилегии дворян, провозглашенные Жалованной грамотой дворянству, как намечал Воронцов, но и все права и преимущества, дарованные купечеству и мещанству Жалованной грамотой городам и Городовым положением. Была сохранена и особая статья, разрешавшая купцам и мещанам свободу передвижения внутри страны и за границу.

Воронцовские пункты, носившие сугубо дворянский характер, были переработаны в «Грамоте» таким образом, что они приобрели общесословное звучание. В ряде статей, где в русском тексте проекта Воронцова фигурировал «помещик», он был заменен в «Грамоте» безликим понятием – «владелец». Если

---

²⁷ Там же. С. 76–78.

один из пунктов воронцовского проекта, указывающий на необходимость утвердить законом «всякого рода собственность», подразумевал прежде всего собственность поместную, т.е. дворянскую, то в «Грамоту» была введена специальная статья, в которой законом охранялась личная безопасность и собственность всего населения. В статье специально подчеркивалось, что «безопасность личная есть право, российскому подданному существенно принадлежащее», особо оговаривалось, что «право собственности движимого и недвижимого имущества есть право российского подданного, поелику оно свойственно в силу законов каждому чиносостоянию в государстве». Очевидно, эта статья не исключала из их числа и крепостных крестьян. Воронцов в 9-м пункте своего проекта, где запрещалась конфискация земельного инвентаря крестьянина, особо оговорил, что крестьянин может обладать только движимой собственностью, ибо недвижимая не подлежит его сану. В ст. 15 «Грамоты» вопреки намерениям Воронцова в перечисление предметов, не подлежащих конфискации (соха, плуг, борона, лошади, волы), была введена и недвижимая собственность (житницы с семенным хлебом, овин или рига и другие земельные строения). Ст. 20 провозглашала, что никто, кроме законных властей, не может «российского подданного («к какому чиносостоянию он ни принадлежал») (т.е. и крепостных тоже – М. С.) оскорблять в личной его безопасности, лишая его свободы, заточая, сажая в темницу, налагая оковы или просто имея под стражу».

В текст «Грамоты» была введена ст. 11, провозглашавшая буржуазные свободы: «Каждый российский подданный да пользуется невозбранно свободой мысли, веры или исповедания, богослужения, слова и речи, письма и деяния». Правда, провозглашение этих свобод обставлялось одной существенной оговоркой: «... поелику они законам государственным не противны и никому не оскорбительны».

Вопреки сомнениям «молодых друзей», которые как будто разделял и царь, все статьи, заимствованные из «*Nabeas corpus act'a*», были не только сохранены, но и дополнены.

Заключала «Грамоту» статья, которая содержала в себе гарантии нерушимости всех предыдущих статей и придавала этому документу характер конституционной хартии, но не в буржуазно-либеральном смысле, а в значении дворянско-олигархической конституции. Ст. 28 провозглашала, что безопасность подданных во многом зависит от того, поставлено ли судопроизводство, имеющее всегда с законом непосредственную связь, «законоположением ясным и неизменным». Поэтому монарх давал обещание до издания Уложения «все незаконные доселе судопроизводства, обряды или постановления наблюдать... ненарушимо, не делая ничего в отмену оных ни общими, ни частными положениями». «Грамота» предусматривала и те случаи, когда могла бы появиться

необходимость изменить установленные законы, и определяла порядок, который должен был бы соблюдаться при этом²⁸.

Изменения, внесенные в проект, в сравнении с пунктами Воронцова значительно радикализировали «Грамоту». В записке 12 августа 1801 г. Воронцов, Кочубей и Новосильцев сообщили царю о том, что, работая над проектом, они сочли возможным ввести в него по собственному почину три положения: о престолонаследии и «непоколебимости священного сана монарха», об утверждении положения о Сенате, о намерении царя дать России законы, достаточные «для ограждения состояния каждого». Во всем остальном авторы текста «Грамоты» «исполняли волю императора». «Держась... намерений» царя, они внесли в проект много изменений и дополнений, которые были заимствованы «из разных узаконений, существующих в Европе»²⁹.

Еще 23 апреля 1801 г. в беседе с П. А. Строгановым Александр изъявил желание, чтобы в основу реформ было положено «определение слишком известных прав гражданина», которые заключаются прежде всего в том, что каждый должен быть уверен в своей собственности и в неограниченной возможности делать все, что не может быть вредным для других³⁰. Именно эти принципы, провозглашенные французской «Декларацией» неотъемлемыми правами каждого человека и гражданина, редакторы попытались наиболее полно воплотить в тексте «Грамоты» и распространить их действия на все сословия. Из «Декларации» же были перенесены в «Грамоту» принципы свободы совести, мысли, слова, письма³¹. Тогда же, 23 апреля, Александр высказал мысль о том, что вначале нужно преобразовать управление таким образом, чтобы оно обеспечило «свободе и непоколебимости прав собственности», а потом можно будет ввести и конституцию, т.е. закон, который гарантировал бы от произвольного изменения существующие установления. Эта идея царя и была теперь воплощена в заключительной 28-й статье проекта, определившей порядок, который обязательно должен быть соблюден при изменении законов, зафиксированных «Грамотой».

12 августа 1801 г. Воронцов представил проект «Грамоты» царю. Александр не одобрил изменений, предложенных авторами по собственному почину. Статью, обещавшую обратить особое внимание на создание Уложения, царь принял, но фраза об утверждении прав Сената была исключена из проекта. Александр решил изложить их в особой «Грамоте Сенату». Было решено отказаться и от ст. 1 проекта. По-видимому, от императора не ускользнуло некото-

²⁸ Семенников В. П. Указ. соч. С. 432–433; РГИА. Ф. 1409, оп. 1, № 123. Л. 4–19 об.

²⁹ Русский архив. 1908, № 6. Прилож. С. 4–5.

³⁰ Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч. С. 5–9, 23–25.

³¹ Duguit L., Monnier H. Op. cit. P. 78–80.

рое противоречие между начальной статьей, провозглашавшей необходимость сильной монархической власти, и заключительной статьей, лишавшей монарха возможности самостоятельно изменять существующие установления. Ст. 1 была удалена из проекта, и, естественно, оказалась излишней и непосредственно с ней связанная ст. 2 о престолонаследии.

Теперь «Грамота» насчитывала 25 статей. И именно в таком виде Александр решил внести ее на обсуждение высшего законосовещательного органа страны – Государственного совета. Это произошло 9 сентября 1801 г., за 6 дней до коронации. Несомненно, это был шаг, свидетельствовавший о намерении царя опубликовать «Грамоту Российскому народу». Члены Совета единодушно одобрили ее и предложили внести только два изменения: оговорить, что положение, запрещающее монарху отступать от законов о наследстве, не имеет обратной силы, и отменить запрещение продавать и закладывать имение последнего в роде. Рекомендации Совета были приняты. Д. П. Трощинский и М. М. Сперанский внесли их в «Грамоту»³².

Так был выработан проект «Всемиловейшей грамоты Российскому народу жалужемой».

Грамота оказалась крайне противоречивым документом, воплотившим разнородные тенденции. С одной стороны, она не только увековечивала такой феодальный институт, как исключительные дворянские привилегии, но даже развивала их дальше. С другой стороны, – «Грамота» представляла всем гражданам России такие преимущества, которых не имели прежде даже дворяне, то есть права по сути своей буржуазные. Предоставление населению этих прав должно было служить целям стабилизации режима и вместе с тем придавало фасаду Российской империи вполне европейский вид. При этом феодально-крепостническая система, в рамках которой для подавляющего большинства страны – крестьянства – эти права не могли быть реализованы, оставалась в полной неприкосновенности. Правда, «Грамота» была отредактирована таким образом, что она позволяла правительству в будущем, не вступая в противоречие с провозглашенными здесь принципами, внести в социально-экономические отношения страны определенные изменения. Но в таком виде, в котором эти «права» были воплощены в «Грамоте», для основной массы населения России они оставались мертвой буквой. Кроме декларации нерушимости права собственности на сельскохозяйственный инвентарь и земельные строения, «Грамота» не давала крестьянам ничего реального.

Это понимали «молодые друзья», сознавал это и сам царь. Поэтому они решили не ограничиваться одной «Грамотой».

---

³² Семенников В. П. Указ. соч. С. 180–194.

К коронации Александра готовился целый «пакет» коронационных документов. Наряду с «Грамотой Российскому народу» в него входили «Грамота о правах Сената», подготовленная в августе 1801 г. Д. П. Трощинским и М. М. Сперанским³³, а также специально посвященный крестьянскому вопросу манифест. Автором его был П. А. Зубов, последний фаворит Екатерины II, в годы фавора которого состоялся процесс над Радищевым. Зубовский проект особенно интересен тем, что он ярко показывает, в каком направлении работала мысль правящих верхов в «дни александровы прекрасного начала», когда екатерининский фаворит, бывший в последние годы царствования своей благодетельницы живым воплощением самодержавного произвола, в начале правления ее внука готов был пойти дальше «хотиловского проекта» Радищева.

Проект Зубова рассматривался в Негласном комитете 23 июля 1801 вместе с воронцовским проектом «Грамоты»³⁴. Проект предусматривал запрещение продажи крестьян без земли и разрешение свободного выкупа на волю, ликвидировал дворовых как категорию крепостного городского населения. В то же время, согласно проекту, значительно ограничивалась и власть помещиков над пашенными крестьянами: они становились прикрепленными к земле, а не к владельцу. Помещик лишался права не только продавать их без земли, но и пускать в продажу или закладывать населенные ими земли, разлучать семьи при наследственных разделах. Таким образом, проект Зубова ликвидировал элементы рабства в феодально-крепостнических отношениях и открывал возможности для выкупа на волю, без всякого участия помещика в выкупной операции³⁵. В этом смысле можно даже сказать, что екатерининский фаворит пошел даже дальше автора «Путешествия из Петербурга в Москву», ведь в «хотиловском проекте» писатель не предполагал заменить помещика казенным присутственным местом, куда без всякого согласия своего владельца мог внести установленную государством сумму желающий выкупиться на волю крепостной.

«Грамота Российскому народу» увековечивала феодально-крепостническую систему, построенную на принципах исключительности дворянских привилегий. Сделать ее неприкосновенной собирались именно тогда, когда весь ход развития страны выдвигал насущную задачу произвести в этой системе определенные изменения, чтобы разрешить сложные проблемы социально-экономического и политического порядка. Составители этого документа сами

³³ РГИА. Ф. 1167, оп. XVI, ч. 1, № 9. Л. 2–8 об; см подробно: Сафонов М. М. Указ. соч. С. 146–164.

³⁴ Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч. С. 78–79, 83.

³⁵ Сафонов М. М. Крестьянский проект П. А. Зубова // Советские архивы. 1984, № 1. С. 36–38; См. подробно: Сафонов М. М. Указ. соч. С. 141–146.

признавали необходимость изменить завтра то, что сегодня провозглашалось неизменным. Но после торжественных деклараций о неизменности дворянского господства правительство манифестом по крестьянскому вопросу объявляло, что дворяне лишаются самой существенной из своих привилегий – полной и неограниченной власти над крепостными. Власть их, конечно же, сохранялась, но не в том объеме, как прежде. В глазах дворянина это было вопиющим нарушением его исконных прав и первым шагом к отмене крепостного права. По сути дела так оно и было, хотя это обстоятельство тщательно замалчивалось. Ущемление таких прав даже в тех минимальных размерах, которые пока предполагались, для помещного дворянства было куда чувствительней, чем те преимущества, которые им жаловались «Грамотой».

Страх перед дворянским недовольством заставил Александра I отказаться от издания манифеста по крестьянскому вопросу, а без него публикация «Грамоты» не достигла бы желательного эффекта. Обнародование этого документа обернулось бы признанием того факта, что подавляющее большинство населения страны не только не оказывалось в состоянии пользоваться «слишком хорошо известными правами человека», но вообще не имело никаких прав. Поэтому как бы красиво ни звучали привычные для европейского уха принципы эпохи Просвещения, они лишь еще ярче подчеркивали то обстоятельство, что на российской крепостнической почве эти формулы выглядели тропическими растениями, посаженными в мерзлую землю. Этим не только не достигался международный и внутривластный эффект превращения российской империи из деспотического государства в «истинную монархию», но, напротив, в свете провозглашенных принципов еще очевиднее становилась феодально-крепостническая сущность самодержавного государства, и результат оказывался обратным. Именно поэтому Александр I в конце решил отказаться от публикации «Грамоты Российскому народу».

Принимал ли участие в подготовке этого крайне противоречивого документа Радищев?

Мы проследили все этапы создания «Грамоты». Ни на одном из них нет ни малейшего следа участия автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

Первоначальный проект из 20 пунктов представил Воронцов. Нет никаких оснований предполагать, что он привлекал Радищева к этой работе. После обсуждения воронцовского проекта с «молодыми друзьями» в Негласном комитете Александр высказал их замечания вместе со своими собственными Воронцову. Затем проект «Грамоты» был очень существенно переработан. Эту работу совместно с Воронцовым выполнили Новосильцев и Кочубей. То, что было ими внесено от себя, то есть без предварительного согласования с царем, они специально оговорили в записке, сопровождающей проект из 28 статей. Во всем же

остальном соавторы соотносились с пожеланиями самого Александра. Они использовали нормы европейского законодательства, предварительно одобренные царем. Неужели для выполнения такой работы требовалось привлекать Радищева? Как будто ни Кочубей, находившийся во Франции в период революции, или Новосильцев, только что прибывший из Англии, выполнить такую работу были не в состоянии без чьей-либо помощи?

Александр не одобрил тех новых статей, которые Воронцов и «молодые друзья» ввели по собственной почину. Поэтому нововведенные статьи были устранены. Однако для такой чисто технической работы стали бы привлекать Радищева?

Так без всякого участия автора «Путешествия из Петербурга в Москву» была создана 25 статейная редакция «Грамоты». После же доработки ее Троицким и Сперанским она приняла окончательный вид.

Нет ничего удивительного в том, что отдельные положения этого документа перекликаются с рядом высказываний Радищева: они имеют общий источник – западноевропейскую общественно-политическую литературу эпохи Просвещения и законодательство передовых стран Европы. Но в этих совпадениях нет ничего, что было бы присуще лишь Радищеву и ему одному. Крестьянский же проект П. А. Зубова ярко свидетельствует о том, что в окружении юного царя было вполне достаточно людей, которые были способны применять идеи эпохи Просвещения к российской действительности. И если в первые годы нового столетия это пытался делать бывший екатерининский фаворит, что же говорить о менее одиозных личностях. Мысль о том, что либеральные идеи по крестьянскому вопросу могли зародиться только в голове Радищева, глубоко ошибочна, ибо сам Александр разработал проект постепенной ликвидации крепостного права и даже пытался провести его в жизнь³⁶. При либеральном монархе было и достаточно сотрудников, готовых воплощать идеи императора в конкретные проекты. Но Радищева среди них не было.

Легенда об участии Радищева в создании «Грамоты Российскому народу» была создана в тот момент, когда еще не были известны все редакции этого документа. Поэтому не было никакой возможности досконально проследить все этапы работы над ним, и выявить всех участников в создании этого памятника. Ведь В. П. Семенников, создавший легенду об участии Радищева, ничего не знал о существовании первоначального текста из 20 воронцовских пунктов. И. М. Троицкому же, модифицировавшему эту легенду, ничего не было известно о записке Воронцова и «молодых друзей» от 12 августа 1801 г., объясняющей

---

³⁶ Там же. С. 62–64.

происхождение «радикальной» редакции 28-статейного документа, которую исследователь ошибочно принял за радищевскую.

Кроме того, в момент создания легенды «Грамота» рассматривалась как отдельный, вполне самостоятельный документ, в то время как в действительности она являлась составной частью целого «пакета» коронационных документов, которые могут быть объективно оценены только в совокупности. Наконец, в то время, когда появилась эта легенда, внутренняя политика Александра I и развитие общественно-политической мысли начала XIX в. были изучены недостаточно глубоко. И только в этих условиях могла зародиться мысль о том, что либеральные идеи, воплощенные в «Грамоте Российскому народу», могли выйти только из-под пера Радищева.

Теперь же, когда наши знания об истории этого памятника существенно углубились, а обстоятельства, в которых он создавался, стали намного понятнее, можно констатировать: никакого отношения к «Грамоте Российскому народу» автор «Путешествия из Петербурга в Москву» не имел.

